

18+

Хелен Вайнцирль
Синичка

Здесь враг не прячется в тени

Хелен Вайнцирль Синичка. Здесь враг не прячется в тени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72590917

ISBN 9785006811522

Аннотация

В годы Второй мировой войны Варя Синичкина отправляется на фронт, чтобы найти своего любимого, Виктора Гордеева, и присоединяется к женской стрелковой бригаде. Вскоре она оказывается в концлагере, где встречает Курта Дифенбаха, человека, охваченного безумной страстью и мрачными амбициями, желающего заполучить её любой ценой. Когда судьба сводит её с Гордеевым вновь, перед Варей предстаёт тяжёлый выбор – следовать зову сердца или бороться за выживание в суровом мире.

Содержание

От автора	5
«В розовом свете»	6
«Синичка»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Синичка
Здесь враг
не прячется в тени**

Хелен Вайнцирль

Редактор Юлиана Тиксон

Иллюстрация на обложке Hawke Art

© Хелен Вайнцирль, 2025

ISBN 978-5-0068-1152-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках сборник историй, слова которых выжжены на поле брани. Это память, которую мы передаём из поколения в поколение; боль, терзающее сердце; слёзы, застрявшие комом в горле. Мои строки – благодарность советским воинам, отдавшим жизнь за наше светлое будущее.

Пожалуйста, отнесись к этим историям серьёзно. Здесь враг не прячется в тени. Будь храбр – с ним придётся сразиться.

«В розовом свете»

«И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего». (1Иоан.4:21)

Пахло бензином. Папа держал меня на руках, и я морщился, закрывая нос. Люди в серой форме смотрели на меня с приторной улыбкой и отдавали честь. В свои пять лет я чувствовал себя настоящим командиром в новой гимнастёрке с вышитым на рукавчике крюко-крестом. Я любовался этим красным квадратиком и гладил его пальцем невзначай. Здание, к которому нас привёз шофёр, было мрачным. Окна были заколочены досками. Я бывал здесь редко, но всякий раз обнаруживал что-нибудь, чего ранее не видел. Папа шёл так, как ходили все взрослые в этом месте: властно, большими шагами меряя площадку. Мы приехали в полдень. Жгло солнце, било лучом мне по глазам. В это время подавали обед. И уже после него я с папой проводывал наших заключённых. Я не знал, что дурного сделали эти люди. Но наказывали их самым надлежащим образом.

Когда я приезжал на прошлой неделе, папа показывал мне, как надзиратели стегали розгами немощных женщин, чьи костлявые тела содрогались при каждом взмахе мужской грубой руки. Удары оставляли на их когда-то нежной коже страшные кровавые полосы. Хорошо, что няня не поехала

с нами, она бы очень испугалась. Помню, я хотел зажмуриться, но папа приказал не бояться и внимательно смотреть. Он говорил, что это то, чем и я буду заниматься, когда подрасту. Мне было жутко. Я никогда не видел свою мать, но понимал, что, если бы на месте этих женщин оказалась она, я бы не смог стоять на месте и просто наблюдать. Может быть, у них тоже были дети. Может быть, им было страшно, как и мне. Может быть... Папа ставит меня наземь, отряхивает, будто я успел замараться. Ко мне подходит высокий крепкий мужчина.

Я его знаю. Это Вольфганг Хазе, рапортфюрер¹. Позавчера он застрелил восьмилетнюю девочку, потому что та попросила у него воды для младшего брата. Он жмёт мне руку. Мне кажется, что она в крови. Хорошо, что это только моё воображение, иначе бы он меня испачкал. Сегодня на обед жаркое с овощами. Улыбка озарила моё невинное детское лицо.

– Шущафтлагерфюрер² Дифенбах, – обратился Хазе к моему папе, и тот повернулся к нему, взглянув сверху-вниз на подчинённого, – позвольте доложить. Вчерашний экспе-

---

¹ Рапортфюрер (нем. Rapportführer) – особый офицерский чин в лагерной системе СС. Обычно его занимал унтер-офицер среднего уровня, который руководил группой блокфюреров, отвечавших за бараки в концентрационном лагере.

² Шущафтлагерфюрер (нем. Schutzhaftlagerführer) – это начальник лагеря в нацистских концлагерях, отвечающий за хозяйственную функцию лагеря и поддержание порядка. Он получал приказы из центральных управлений СС в Берлине и отвечал за жизнь заключённых.

римент пока не дал никаких результатов. Наш Хайдрих недоволен, тем не менее, не оставляет попыток. Завтра поутру желает приступить к работе снова, нужно только Ваше разрешение.

– А что конкретно у него не вышло? Объект выказывал неосторожность и недовольство? Провоцировал? – Я видел, как папино лицо, смуглое и со шрамом над бровью, менялось. В одно мгновение оно было смиренным, потом его исказила злость, но вскоре гнев сменила сосредоточенность. Тяжёлые ворота впустили нас в лабиринт пугающего здания. Папе не нужно было показывать охране пропуск. Коменданта знали здесь все. Я старался не мешать ему, шёл рядышком, здороваясь с теми, кого помнил и кто помнил меня.

– Он ослеп. Хайдрих вводил краситель в его глазное яблоко, чтобы проверить свою теорию о смене нации путём внешнего вмешательства. Однако... Было принято решение приостановить опыт ввиду такого инцидента. – Хазе посмотрел на меня с некоторым замешательством. Он не был уверен в том, что мог о подобном рассказывать в моём присутствии. Я делал вид, что совсем его не слушаю – разглядывал бляшку ремня и блестящие пуговицы на его форме.

Фельдграу³ был всюду, куда бы я ни бросил взгляд. Всё это место превратилось в единую круговерть зелёных и коричневых оттенков. Обычно папа посылал за мной няню, и она

---

³ Фельдграу (нем. feldgrau, «серо-полевой») – основной цвет полевой формы германской армии с 1907 и, в основном, до 1945 года.

вела меня обратно на улицу, чтобы вместе обходить каменоломню и подниматься по многоступенчатой дороге. Я так учил цифры от одного до трёхсот. Я делал успехи! Только мои маленькие ножки вечно меня подводили, и назад меня уже несли на себе. Няня говорила мне, что тех, кто не мог пройти эту тропу с мешком камней на спине, расстреливали. Мне становилось стыдно, ведь я шёл налегке.

– Алекс, тебе можно пока поиграть. Я буду занят, но обещаю, мы пообедаем вместе. – Папа опускается, чтобы быть со мной одного роста. Интересно, теперь он сможет мир увидеть таким, каким его вижу я? Сможет ли он понять то, чего я пока не понял? Например, почему тех людей всё-таки расстреливали?.. Я ведь тоже не мог пройти столько ступенек...

Меня за руку берёт Йозеф Фукс. Он всегда приветлив со мной. Когда папа занят, он показывает мне тех заключённых, которыми он вправе командовать. Именно Фукс говорит им, что делать, чтобы исправиться. Он назначает им работу. Они трудятся не меньше двенадцати часов в день, отдыхают совсем мало. Мне объясняют, что это идёт им на пользу, что они так просят прощение за ту грязь, что течёт у них по венам вместо крови. Мне даже боязно это представлять.

Но я справляюсь с непрошеным страхом и следую за Капо⁴ так же спешно, как и он, чтобы не отставать. Сейчас в ла-

---

⁴ Капо – в 1940-е годы привилегированный заключённый, сотрудничавший с нацистской администрацией в концлагерях нацистской Германии.

гере остались только дети. Но меня не пускают к ним играть. Да и сил у них нет на игры. Взрослых отправили под музыку строить шоссейную дорогу. Я специально не поехал утром. Не люблю смотреть на то, как маршируют настоящие мертвецы, и слышать, как громко и торжественно звучит оркестр, провожающий и новеньких, и уже давних обывателей, на смертоносную работу. Везло, наверное, женщинам: их отправляли в пошивочные цеха, где они шили новые шинели на зиму и кители для офицеров.

Мы прошли ещё один поворот. Железную дверь капо открыл ключом, провернув дважды его в замочной скважине по часовой стрелке, потом он оттащил засов с характерным грохотом. Сюда меня ещё не водили. Нас встретило пятеро папиных подчинённых в серой форме. Они тоже мне улыбаются, тоже отдают честь. Это поднимает мне настроение. Один из них, с чёрными пышными усами, распоряжается провожать меня.

Фукс кивает и исчезает во тьме, из которой мы только что с ним вышли. Очень странный коридор теперь перед нами, длинный. Я выглядываю, куда же он ведёт. Вероятно, там какая-то просторная комната без окон. Ярко горят лампы. Мы наконец идём туда. Вокруг все суетятся, будто желают показать мне нечто необыкновенное. На входе я замечаю кучу разных вещей и одежды.

– Это крематорий. – Говорит мне тот, что с усами, а я приоткрываю рот, чтобы спросить, что значит это смешное сло-

во. – Вот в эти печи отправляются все, кто отказался работать. Ленивые и бесстыжие люди.

Я подхожу ближе к одной из трёх, что уходит в стену. Вглядываюсь в ту мглу, что скрывается за металлической крышкой. Хочу туда крикнуть, что есть силы, но сдерживаю себя. Это было бы глупо. Значит, лень – это плохо. Все, кто не хотят трудиться на общее благо, уходят в непроглядную тьму без возможности вернуться. Мне всё равно неясно, чем же виноваты те люди, болезненно худые, измученные, изнурённые наказаниями.

Отчего так к ним жесток мой папа, Вольфганг Хазе, доктор Хайдрих, Йозеф Фукс и многие, многие другие?.. Отчего они вынуждены есть отвратительную водянистую похлёбку и закусывать 150 граммами хлеба? Зачем их мучили этими экспериментами? Зачем пытались их изменить? Почему их били, терзали, расстреливали, лишали зрения, заставляли перетаскивать с места на место неподъёмные камни, чтобы потом они, эти неугодливые «иные» люди, рабы эсэсовцев, ползли к ногам моего папы, в полосатой робе и деревянных башмаках? Я вздумал закричать, когда там, в глубине печи, мне почудилась человеческая рука. Бросился бежать, и уса-тый человек не сумел меня поймать.

Я бежал долго. Не вспомню тотчас же, сколько я преодолел лестничных пролётов, поворотов и коридоров. Каждый, кто видел меня, пропускал дальше; погони за мной не было. Все знали, кто я и что мне можно ходить везде, где я за-

хочу. Всюду слышался шум и родная немецкая речь. Вот я столкнулся со Стефаном Лихтенбергом. Я врзался в его ногу и отскочил, как испуганный котёнок. Он строго взглянул на меня, словно я сотворил нечто непозволительное. Я нахмурился – не любил я, когда меня ругали. Но вместо нравочений мужчина протянул мне наливное яблоко. Папа дал слово мне, что вот-вот освободится от всех дел, но мой голод, предвкушающий наступление долгожданного обеда, давал о себе знать время от времени. Я с благодарностью взял яблоко, подбросил его, как мячик, поймал, но надкусывать не стал.

Вместе с Лихтенбергом я вышел на улицу. Он оставил меня у входа, а сам отправился в сторону, откуда доносился лай собак. Там располагалась кинологическая служба. Однажды пёс Лихтенберга чуть меня не укусил, поэтому я не рискнул идти за ним.

Солнце всё ещё светило над нашим огромным лагерем, оно было палящим, а я такое не любил. Было душно и мне казалось, что я задыхался. То ли от недавнего бега, то ли от такой знойной погоды. Без няни я обычно не гулял по окрестностям, но сегодня посмел сделать исключение: сам вышел на безлюдную площадку, окружённую бараками, набрал воздух в лёгкие и, пока потягивался, увидел таких же детей, как и я, сидящих у стен одного из барачков. Сначала я не разглядел, чем они занимались, поэтому сбежал с площадки прямо к ним.

Самая старшая девочка была кареглазой и темноволосой. Её до ужаса худое тело не чувствовало тёплого ветра, и она обнимала саму себя за плечи, как бы пытаясь согреться. Роба на ней была надорвана, к штанине пристала разлитая похлёбка. Она смотрела на меня пустым взглядом, будто всё это время пыталась понять, кто же я такой и чего от меня ждать. Только слёзы текли у неё из-под век и бежали тонкими бесцветными линиями у неё по бледным щекам.

Мальчик рядом с ней держал в руках большие солдатские сапоги и мокрую тряпку; его пальцы были сморщены, как будто были не детскими, а старческими. Только потом я заметил, какая гора из обуви возвышалась над ними. Вода в ведре была уже грязной, поэтому, когда они начинали протирать носы сапог, на них оставались разводы. Воду менять им не разрешали. Так они не могли избежать наказания за плохо начищенные маршштифелы⁵.

– Не бойтесь меня. – Я накрыл свастику ладошкой, чтобы они приняли меня за своего, но, конечно, я был куда более упитанным и румяным по сравнению с ними. Мне стало совестно. – Хотите, я вам помогу? Видите, сколько у вас ещё не вымыто. Папа говорит, что надо любить ближнего, если он того заслуживает. А вы усердно трудитесь, значит, вас можно любить.

---

⁵ Маршштифелы (нем. Marschstiefel) – маршевые сапоги вермахта или просто «кованные сапоги». Их носили немецкие солдаты во время Второй мировой войны.

Я сел между девочкой и мальчиком, будто тоже был «иным», как и они, убрал яблоко в карман, взял тряпочку и стал натирать сапог. Меня стало раздражать, что вода была такой мутной и что она делала весь процесс каким-то бесконечным. Я хотел спросить имена ребят, но они так устали, что едва могли дышать. Губы их шевелились, но не произносили ни слова.

Тогда я решил, что просто буду звать их по номерам, которые были нарисованы у них на худеньких запястьях. Тонкая кожа была натянута на детскую косточку, поэтому цифры виднелись отчётливо: 49322 и 67941. Когда мы втроём перемыли половину этой страшенной горы, на ладонях девочки я увидел мозоли, а пальцы мальчика стёрлись в кровь. Я тоже немножко пострадал – залил гимнастёрку водой, и теперь на ней красовалось большущее грязное пятно. Прежде чем уйти, я оставил им яблоко. Это меньшее и, наверное, единственное, что я мог для них сделать.

Я возвращался под громкую ругань Фукса. Он узнал, что я помогал пленным детям чистить сапоги, клялся, что доложит обо всём моему папе и тот непременно меня накажет. «Наконец-то! – Подумал я. – Меня тоже накажут, как и всех, и это будет то самое, что я признаю справедливым, из всего того, что здесь творили люди, к роду которых я принадлежал».

Папа встретил меня у дверей собственного кабинета, где, по обыкновению, стоял его письменный стол с бесчислен-

ным количеством бумаг на нём, тахта, на которой я любил дремать после длительного обхода заключённых, несколько шкафов и комодов. Мне всегда было любопытно, что скрывается за всеми этими дверцами и что такого секретного лежит в этих ящичках, но папа запрещал мне в них заглядывать с той же строгостью, с какой намеревался меня отчитать. Я стоял перед ним в мокрой гимнастёрке, свесив голову. Вины я не ощущал, потому что всего-навсего захотел помочь, а помогать нуждающимся – это очень хорошо, так говорит няня. Широкая ладонь опустилась мне на чёрные кудри. Я знал, что папа простит меня, потому что я маленький. Но не знал, почему по той же причине он не мог простить моих 49322 и 67941. Они были старше меня, но на какие-то пару-тройку лет. Это же почти невидимая разница!

– Доктор Хайдрих продолжит свой эксперимент? – Поинтересовался я, уже сидя достаточно непоседливо за столом перед большой тарелкой жаркого и овощей. Я накалывал на вилку свинину и отправлял её, облизываясь, в рот. За день я очень устал.

– Да. – Кратко ответил на мой вопрос папа, задумчиво что-то выводя острым грифелем на листе бумаги. Я пригляделся: там была начерчена какая-то табличка. – Он затеял нечто грандиозное, Алекс, то, что поможет нам построить новый мир.

Я жевал картофель и ни о чём таком грандиозном, о каком говорил папа, старался не думать. Мне виделись только

страшные картинки: как марширующая толпа друг за дружкой отправляется в печь. Папа был немногословен. Он не стал рассказывать мне, в чём заключался этот эксперимент, но я был уверен, что снова после него никто не выживет.

– Доедай скорее. Я передам распоряжение доктору Хайдриху, и мы с тобой поедem домой. – Я подсел чуть ближе к нему и без дозволения заглянул в этот интересующий меня листочек с диковинной таблицей. Я дрогнул. Испуг окутал меня, зажал в кольцо и не собирался меня из него выпустить. Читаю вновь, ошибаюсь в папиных крючочках, перечитываю. И всё явственно осознаю.

Теперь это никакая не тайна. Я знаю, кто отправится на этот омерзительный эксперимент. Мой любимый папа перестал быть таковым для меня. Он всего лишь эсэсовец. Он грозный шуцхафтлагерфюрер Курт Дифенбах. И это он отдал приказ отправить моих 49322 и 67941 на верную смерть.

Мы ехали в полной тишине. Отдалялся от нас лагерь, в котором папины узники продолжали работать до ломоты в теле и воя от боли. Я всё глядел на это солнце, которое так и не согрело ни меня, ни моих первых друзей. Оно уходило за горизонт, и я понимал, что ничего в этом розовом свете красивого нет.

«Синичка»

*«Радостно мне,
Я спокоен в смертельном бою.
Знаю, встретишь с любовью меня,
Что б со мной ни случилось».*

*«Тёмная ночь» – Н. Богословский, В. Агапов,
1943 г.*

Хозяйка только успевала подавать всё новые и новые блюда, метаясь через недлинный коридор на кухню и обратно на застеклённую террасу. Стопка за стопкой билась гранью о накрытый стол, половиной выплёскиваясь на праздничную скатерть. Варёный картофель, который Ксения Максимовна оставляла томиться обычно на парном молоке под россыпью укропа, разобрали вилками в первую очередь, оставив только пустой горшочек с получившимся супом на дне. Николай Петрович, уже в стельку пьяный, еле успевал закусывать самогон головкой чеснока, передавал ломти хлеба, что-то громко говорил сидящей рядом соседке, которую позвали лишь от скуки. Дом полнился подобными гостями, ведь, как принято в деревне, если торжество случается у одних, остальные обязаны быть приглашёнными к столу, словно это они сыграли самую важную роль в том или ином деле, по поводу которого подняли весь шум. Двигали стулья, приносили лавки, ставили ещё один стол. На пол упал бутерброд с тон-

ким ломтиком сыра и кусочком масла, но через мгновение его подняли и отправили в рот.

С обеда никто не расходился, наоборот, появлялись люди, приносившие с собой салаты, противни с запечёнными овощами, только что забитыми петухами и гусями, которых ещё даже не успели ощипать. Какой-то мужичок, рыженький, но с заметной сединой, в зелёной рубаше, принёс наливные яблоки, завёрнутые в полотенце. Правда, несколько из них оказались червивыми, зато остальные с коричневыми бочками были очень сладкими. Когда вспомнили про гитару и про традицию петь романсы, уже достаточно стемнело. Кто-то зажёл две керосиновые лампы, поставил по краям, и к ним мгновенно слетелись мошки.

– К жару. – Сказал кто-то и отхлебнул с причмокиванием хлебный квас, от которого стало в груди так тепло, что тотчас же захотелось спать, а потом пить ещё и ещё. Но говорящему никто не поверил.

Сгущались сумерки. Июнь выдался тёплым, однако палящего солнца не ожидалось. Вечерами было прохладно. Как и сегодня. Маленькая девочка по имени Лиза, по всей видимости, младшая дочь Синичкиных, хозяйев праздника, куталась в материнскую шаль и отгоняла пухленькой ручкой комаров.

Проводить время в деревне ей совсем не было по душе, и чаще всего, она оставалась со старшей сестрой в городе. Но в этот раз их обеих увезли сюда, загород, где было ма-

ло домиков, зато много жителей, которые теперь собрались под крышей дома их бабушки и дедушки. Марта Игоревна, всю жизнь проработавшая швейей и успевшая набить мозоли на морщинистых руках, к плите не подходила с самого утра; угощения готовила её дочь, и она вполне себе была довольна. Более того, к столу она тоже не вышла, лишь мучилась от головной боли и учащенного сердцебиения, сидя во дворе и время от времени прикладывая к лицу мокрую тряпку. Она всё твердила, что ей беспокойно и что её преследует какое-то странное предчувствие.

С ней хотела остаться и виновница торжества, Варвара, девушка совершенно молодая, румяная, златовласая, худенькая, с успехом сдавшая школьные экзамены и обещавшая завтрашним утром пробовать поступать в педагогическое училище. Ей очень хотелось стать учителем немецкого языка, который она отточила до совершенства. И потому не спешила выходить на террасу, где шумели, пели, выкрикивали тосты, много курили и ели её родственники. Впереди ещё было поступление, а перед ним – возвращение в город.

Она бросала курам вечерний корм и задумчиво наблюдала за тем, как плавно прячется за горизонт розовый закат. Бабушка молчала, даже когда Варвара обращалась к ней. Только потом она поняла, что женщина уснула, укрывшись пледом, который она ей принесла.

– Варька! – Гортанно крикнул ей пьяный отец, вышедший к ней с бутылкой вишнёвой наливки. – Михалыч прие-

хал, ты же его помнишь? Друг мой. Который Гордеев. – Николай Петрович громко икнул, и Варвара залилась искренним звонким смехом. Её позабавил заплетающийся отцовский язык. А вот новость о том, что приехал его закадычный друг, её не на шутку испугала. За свои семнадцать лет она успела настолько привязаться к Виктору Михайловичу, что за глаза называла его своим суженым.

Мама, конечно, лупила её по лицу кухонным полотенцем за такие слова, но от этого в Варваре только распаялись, разгорались настоящие чистые чувства к мужчине, который в её семь лет учил ездить верхом, а в десять – стрелять из охотничьего ружья. Два года назад он впервые посадил её за руль папиного Ленинграда-1⁶. Ей казалось, что Гордеев проводил с ней гораздо больше времени, чем её родители, несмотря на то, что он, будучи начальником цеха на заводе, часто пропадал на работе. Но время на маленькую Вареньку всегда находил. Она даже на Рождество гадала, хотя сама была глубоко верующей: два зеркальца друг напротив друга поставила, свечи зажгла, а в полночь силуэт Виктора Михайловича увидела... Может, сказки всё это, да только верилось в такое с лёгкостью.

– Один, что ли, приехал? – Варвара взяла шатавшегося отца под руку и увела со двора в дом, чтобы не мешать ба-

---

⁶ Ленинград-1 (Л-1) – советский экспериментальный легковой автомобиль, выпущенный в 1933 году серией из 6 экземпляров на заводе «Красный путиловец» в Ленинграде.

бушке тихонечко дремать.

Было бы удивительно, если бы Виктор Михайлович приехал один: он всегда привозил с собой ещё пару-тройку друзей, с которыми работал на гидроприводе, поэтому она почти не сомневалась, что эти гуляния прекратятся в ближайшие часы. По крайней мере, до утра они обещались закончиться. Вместо ответа на вопрос Николай Петрович отрицательно помотал головой, поманил дочь к себе толстеньким пальцем и, отдавая ядрёным чесночным ароматом, произнёс:

– С женой. – Девушка закатила глаза так, чтобы отец вдруг не обратил внимание, чего он и не думал делать в виду того, в каком состоянии сейчас стоял рядом с ней.

Она так не любила эту худощавую высокую женщину, которая явно выглядела старше своего возраста, и дело было даже не в том, что она являлась супругой её возлюбленного; однажды она забила до смерти щенка, которого часто подкармливала Лиза, и Варваре было непонятно, почему такой добродушный человек мог быть женат на этом чудовище. Она написала в тот день жалобу, но кому сдалась бедная животина, если она была совсем ничейная? Без дома, без добра и ласки, без хозяина, к которому можно было бы прижаться, уткнуться влажным носом и поскуливать от большой любви.

– Катя тоже поехала. Не могла мужика одного отпустить. То ли брюхатая, то ли Богом обиженная. – Николай Петрович рассмеялся, а Варвара поморщилась. Она бы не пережи-

ла, если бы у Гордеева появился ребёнок. Она была готова родить для него. Главное, чтобы этого не сделала Катя. Иначе дитяtko ожидает то же, что и того несчастного щенка. Варя тяжело вздохнула, немного постояла на крыльце, собираясь с силами и пошла вместе с папой к остальным.

Шум не становился тише. Кто-то всё-таки раздобыл гитару, справа звучал баян, а слева слышались напевы дудки. Николай Петрович, завидев приятеля ещё издалеka, с распротёртыми объятиями и широкой улыбкой направился прямо к нему. Варвара, шедшая с опозданием за ним, вошла на террасу и резко стала смущаться. Виктор Михайлович её пока не заметил, но сердце начало биться так, словно намеревалось покинуть грудь.

Лиза, вылезшая из-под стола, дёрнула сестру за край ситцевого платья, и цветочки на ткани натянулись. Девочка порядком подустала и попросила отвести её в какую-нибудь комнату, где она могла бы поспать. Таких в доме было всего две. Одна прилегалa непосредственно к той, где бушевало веселье; в другой было темно, а спать с горящей лампой она отказалась. Пришлось остаться и пожаловаться, что мама, принёсшая ещё один горшочек картошки и кастрюлю с пропаренным кроликом, лишь отмахнулась от неё, когда та рассказывала про комаров. Но Варвара обещала выслушать и другие жалобы.

В этот момент ей на плечо легла рука, и она от неожиданности дёрнулась, разворачиваясь. Перед ней теперь стоял

высокий голубоглазый мужчина, улыбающейся ей и зачёсы-
вающий назад чёрные, как истинная смоль, волосы. Его глад-
ковыбритое лицо сияло, а добрая улыбка пылала нескрыва-
емым счастьем и радостью встречи.

– Можно вас поздравить, деточка? – Виктор Михайлович держал в другой руке букет самых обыкновенных полевых цветов – васильков, который она заметила только тогда, когда он смог его вручить. – Не каждому удаётся закончить десять классов с отличием. Безупречно, Варя, просто безупречно!

Щёки горели от стыда и от того, как ей было приятно, за-
колело где-то под рукой, зачесалось левое ухо. Его она жела-
ла увидеть больше всего на своём празднике, который плав-
но перешёл во всеобщий. Она всё никак не могла приметить Катю, чья белая макушка обычно виднелась отчётливо. Мо-
жет быть, она захотела быть полезной на кухне, вместо того
чтобы толкаться в одной комнате с пьяными дядьками. С её
стороны это – очень разумное решение. Хотя бы Варвара её
не видела.

– Виктор Михайлович! Бог ты мой! Вы здесь? Как давно
я вас не видела. Я бегала то в школу, то в библиотеку и сразу
домой, когда к экзаменам готовилась. Ни на минутку не мог-
ла к вам заглянуть, да и Катя была бы меня не очень рада
видеть. Сами понимаете... – Девушка сложила ладони плот-
но друг к другу, расположив между ними букетик васильков,
отвела взгляд, краснея и стесняясь с новой силой. Смотреть

ему в глаза вообще не получалось. – Спасибо, что пришли. Без вас бы я здесь умерла со скуки!

– Ну-ну, не говори так. Мне казалось, тут тебе будет весело. Глянь, сколько народу, сколько музыки, танцев и какой добротный стол. Не знаешь случайно, не ставили ли ещё мойву в кляре? Ради неё приехал. – Виктор Михайлович посмеялся своим коротким добрым смехом, догадываясь, как обидно стало Варваре, которая, если и обижалась на него, то, по большей мере, лишь для того, чтобы тот её поцеловал в висок. И неважно, в какой – левый или правый (она любому была рада) – ей необходимо было только его внимание, и он, давно полюбивший её как родную дочь, всегда расплывался в улыбке, видя, как та с жаром морщит вздёрнутый нос.

– Не видела я вашу мойву, не наблюдала, потому что не очень-то рыбу люблю, а вот зато точно знаю, что внесли недавно кролика. Вы можете на него успеть, если присоединитесь к столу. – Она игриво подмигнула мужчине и испугалась собственного поведения. Ей было всего семнадцать, ему – тридцать восемь. Пора было заканчивать всякое увлечение, но она не могла. Всё естество её не слушалось. Лиза, стоявшая рядом, снова потянула сестру за платье, канюча и умоляя сейчас же отправиться с ней играть. Она была сонной, поэтому сильно капризничала.

– Привет, Лизонька! Как дела? – Лиза посмотрела на Виктора Михайловича исподлобья, будто это он был виноватым в том, что ей не давали спать. Он подхватил её на руки, и Ли-

за, не сопротивляясь, тоже пожаловалась ему на родителей, которые никак не хотели везти её обратно в город. Девочка объясняла, что там, в квартире, на диване её ждёт тряпичная кукла Глаша и что ей срочно нужно ехать домой, чтобы накормить эту Глашу и рассказать ей сказку перед сном.

Когда Варвара хотела взять сестру у Виктора Михайловича, тот на неё вспылил, объяснив, что женщинам тяжести носить и вовсе запрещено. Девушка опустила голову, покорно отступая. Вскоре он поставил Лизу на пол, пообещал вернуться к разговору и скрылся в коридоре, где, по всей видимости, столкнулся в полутьме с супругой, так как через секунду Варвара услышала её до жути противный голос. Она не вслушивалась в то, что говорила эта отвратительная женщина; она села наконец за стол, и ей сразу же наложили огромную тарелку вкусностей, а в небольшой стакан налили водку.

– Ты чего это, Коля? Ты куда девке водку льёшь? Завтра поступление! Да и мала она для неё. – Дедушка, Максим Степанович, единственный, кроме Виктора Михайловича, трезвый мужчина среди всех, отодвинул от внучки стакан с водкой.

– Да куда, тестюшка, помилуй, Христа ради! У девчонки день завтра okazjiнный, это вот, на-ка ей, для храбрости. – Николай Петрович прыснул добрым смехом и налил водку в другой стакан. – Пей, Варюша, до дна!

Девушка обхватила стекло ладошкой и пятерней пальцев,

соразмерила, сколько сумеет выпить, если вздохнуть единожды, улыбнулась и спрятала эту игривую улыбку за гранью стакана. Водка ужалила её, как пчела, которую долго гоняли и пытались прихлопнуть. Загорелось всё внутри: заболели щёки, заломило горло, жар полз по её нутру, сжигая на своём пути любые препятствия. Проснулся в ней и смех, и свойственный для молодости задор, возникли искры пред глазами, меж которыми мелькала Лиза, дувшая коралловые губы от обиды. Сразу начала закусывать едкость во рту солёным огурцом и кашлять. Виктор Михайлович, наблюдавший за всем этим действием с некоторым любопытством, тоже залил смехом.

– Совсем наша Варька взрослой стала. А ещё ведь недавно пешком под стол ходила. Помнишь, Петрович, как мы её на санях катали? Шарик с ней гонялся, тащил на себе. Давно это было. – Мужчина подставил кулак под щёку, отчего его улыбка вышла более вытянутой. Катя, явившаяся из кухни в фартуке и с банкой абрикосового компота, выглядела так, будто несла на стол главное блюдо сегодняшнего вечера. Споткнувшись о Лизу, которая в тот момент ползала на четвереньках по полу в безуспешной попытке отыскать, куда же на самом деле запропастился её красный бант, она еле-еле удержала эту банку и толкнула девочку в угол террасы.

– Вылейте своё пойло зловонное. Не уедем же отсюда утром! – Строго процедила Катя и с укором посмотрела на мужа, будто ругая его за то, что тот отважился ехать

на этот никому не нужный праздник, где можно только наесться и напиться в честь окончания школы совсем не родной ему дочери Синичкиных. Догадывалась она, что сама девушка питала нежные чувства к Виктору Михайловичу, оттого и злилась, намереваясь доказать той, что тягаться с ней – дело бестолковое. – Витенька, голубчик, разлей мужикам компот. Хоть живыми доберутся потом, спасибо мне скажут.

– Здравствуйте, тётя Катя! – Из вежливости поздоровалась Варвара и помахала ей ладошкой, и женщина ей в ответ скривилась. Но рушить веселье не стала.

– Привет, Варюша, поздравляю. – С лёгкой надменностью наконец отозвалась Катя и вновь обратилась к супругу. – Витенька, ну что ты там? Пейте компот, товарищи! Сейчас как нагрянут с проверочкой, а у нас здесь свист и топот.

– Не гнусавь, иди сама выпей! – Позвал её к столу Николай Петрович, уже вполне себе похорошевший от самогона. Лицо его, толстое, круглое, красное, выражало истомную дремоту, готовившуюся наброситься на него совсем скоро. Ходил он почти вприсядку – у него были больные ноги.

Катя ему не ответила; она села рядом с Виктором Михайловичем и обняла его за предплечье, тотчас же возложив голову свою ему на крепкое плечо. Вновь заиграли на баяне. Звонко перебрасывались мелодичными звуками клавиши, меха растягивались, вбирая в себя мощь.

– Эх, яблочко, да на тарелочке, надоела жена, пойду к девочке, надоела жена, пойду к девочке... – Запели мужики,

сливаясь тяжёлыми хрипылыми голосами с баяном. Николай Петрович встал с места и стал мерить террасу огромными шагами, насколько ему позволяли ноги. Ксения Максимовна, супруга его да горячо любимая, была тут же схвачена за обе тёплые руки и отправлена в пляс, – *эх, яблочко, куда ж ты котишься, к чёрту в лапы попадёшь, не воротисься*⁷.

Варваре тоже хотелось танцевать, и она совсем не стеснялась, просто романс этот вызывал у неё смешанные чувства. Вот Катька – она жена, да, бесспорно. Аксиома! Вон она – девочка. К ней пойдёт Виктор Михайлович? Приласкает, обнимет, поцелует ли?.. Она не верит, стесняется, начинает подпевать. Лиза обиженно трясёт её за плечо, подбравшись сзади, теребит рукав платья, дёргает подол.

Сестра её не слышит или намеренно не слушает, потому что так увлечена собственными фантазиями, что не замечает, как всё вокруг меняется, мрачнеет, уходит земля из-под ног. Рушится терраса, бьются стёкла, осколки которых летят прямо на собравшихся гостей. Лопается струна у гитары. Ветер сносит со своего бесконечного пути палисадник. Нет там более цветущих кустарников с яркими кисло-сладкими ягодами шиповника. Откуда вся эта непогода взялась? Откуда к ним пришёл дождь, о котором не печатали в газетах? Варвара ловит в воздухе мамину шаль. Но где же сама мама? Где

---

⁷ «Яблочко» – русская песня-частушка, популярная среди революционных солдат во время Гражданской войны в России. Также под её мелодию исполнялся матросский танец.

Лиза, папа, бабушка и дедушка? Где же они все?

– Яблочко, да на тарелочке... – Поёт знакомый мужской голос, – эх, яблочко цвета макова, ты любила их одинаково...⁸ – Её толкнули во тьму. Она не поняла, можно ли ей шевелиться. Всё давило на неё слева и справа. Подняла голову, а мгла уже её и там поджидала. Она стала молиться Богу, Иисусу Христу, но слышал ли Он её, если она сама себя не слышала? Варвара откуда-то узнала, что, если не сумеет выбраться из этого страшного места, оно не выпустит её, поглотит без остатка. Она прислушалась – где-то играла весёлая музыка. Кто-то, кажется, включил радио.

Ей сделалось не так жутко. Стал виден просвет, к которому девушка шла уже уверенно, даже если и не видела, куда погружались её ныне босые ноги. Ей было холодно. Промёрзло молодое тело. Вдруг её со спины окутало нечто бережное и осторожное, согревающее лучше, чем наброшенная на плечи в спешке шаль. Синичкина закрыла глаза от испуга, зажмурилась, что есть силы. Кто-то обнял её, оголил ей шею, мягко коснулся тёплыми губами.

– Это кошмар, tit⁹, всего лишь дурной сон. Всё, что в голове у тебя, то и пугает. – Мужчина уложил любимую обратно в постель, подвинул к ней поближе подушку, из которой чуть заметно торчали пёрышки. Немецкий говор ласкал ухо. Он всегда был другим рядом с ней, становился человек-

---

⁸ См. примечание 7

⁹ Синица – перевод с немецкого

нее, гуманнее и не мог в это всё ещё поверить. Все знали его как грозного шущафтлагерфюрера, который частенько издевался над заключёнными, отдавал чудовищные приказы, расстреливал и четвертовал людей.

Но когда он возвращался домой, в небольшой коттедж в нескольких километрах от концентрационного лагеря, где его ждала русская пленная девушка, сидевшая около кровати его маленького сына и читавшая ему сказки на немецком, он становился самым обыкновенным, самым уязвимым созданием. Когда-то эта девчонка была рядовым солдатом, неплохим стрелком, но весьма неосмотрительным. Взять её на берегу Днепра с зажатой картой в зубах было делом любопытным, как он думал. Но это сотворил с ней не он, совсем нет.

Когда в концентрационный лагерь прибыл эшелон новых узников, Курт Дифенбах находился в отвратительном расположении духа. Перед ним, как на параде, выстроилась толпа избитых и униженных женщин и мужчин. Старики на трясущихся ногах стоять не могли, а дети, ковыряя свежие ранки, держались за руки матерей и в невинном страхе ожидали своей участи. Рапортфюрер плёлся за ним послушно, оглашая список тех, кто на сей раз пожаловал на исправительные работы. В тот день он оставил сына в кабинете дремлющим после обеда, поэтому был предельно внимательным и сосредоточенным.

Вот шущафтлагерфюрер замирает у детской линии, вы-

смаатривает оттуда близнецов. Вольфганг Хазе фиксирует их имена в другой бумаге, особенной, предназначенной для экспериментов. Такой феномен требует разбирательств! Темноволосых ребяташек он рекомендует умертвить, кареглазых – передать доктору Хайдриху. Крепких пленников вновь бьют плётками, чтобы те забыли о том, что такое оказывать сопротивление. Пожилых лишают жизни на месте. Их окровавленные трупы падают наземь. Да, действительно. Хорошо, что Алекс остался в кабинете.

– Поймали русскую шпионку. Украла карту речного русла, где было принято закрепить положение и оттуда передавать фронту боеприпасы... – Тихо докладывает Хазе. Закат вот-вот разгорится и окрасит небо розовым цветом. Шуцхафтлагерфюрер мечтает поскорее закончить с делами и уехать. Сегодня к нему заявятся гости – несколько офицеров, достаточно талантливых и успешных. Для него это великая, почти непостижимая честь. Он ещё многое обязан сделать, чтобы удостовериться в собственной готовности к такому удивительному вечеру.

– Показывай. – Кратко приказывает Дифенбах, и Хазе отправляется к двадцать первому ряду. Тринадцатой стоит она. Красивая, миниатюрная, стройная славянская гурия. Её нижняя губа разбита, оттого и дрожит. Полевая форма надорвана, пропитана кровью – и её, и её товарищей. Она устало глядит на него, и он наверняка чувствует какой-то нездоровый надлом в своём далёком нутре. Затем кашляет в ку-

лак. Такой слабости он не ощущал давно, это и дурманит, это и пугает. Рапортфюрер перекладывает с места на место седину, проявившуюся в его чёрных волосах совсем недавно. Поднявшийся ветер колышет их, и это отвлекает Дифенбаха от размышлений.

– Синичкина Варвара Николаевна. Солдат женской стрелковой бригады. Входила ранее в состав войск охраны тыла фронта. Была взята в плен после неудавшейся попытки украсть из передвижного штаба речную карту и папку с наблюдениями наших диверсантов. Вторая была убита штурмбанфюрером¹⁰, когда стала оказывать сопротивление. Из оружия у бойцов были только собственные кулаки. Их бригаду разбили накануне. – Посмеиваясь, докладывал Хазе, и шуцхафтлагерфюрер отмечал среди прочего интересные для него факты. Девушка держала марку: голова была приподнята, нос вздёрнут кверху, руки, грязные и израненные, покоились по швам. Ей хотелось есть, спать и в ближайшее время смыть с себя вязкую землю и пыль, отмыть тело, спасаясь от чужой крови. Но она лишь молча глядела на тех, кто теперь мог распоряжаться её судьбой.

– Отправить к прачкам. Напоить и накормить досыта. Дать сменную одежду, причесать, вымыть. А далее... Далее посмотрим. – Распоряжается он неожиданно. Остальные пленники начинают шевелиться, толкаться, не понимая, от-

---

¹⁰ Штурмбанфюрер (нем. Sturmbannführer, сокращённо Stubaf) – звание в СС и СА, соответствовало званию майора в вермахте.

чего к этой девчонке такая щедрость, возмущаются, вопят. Дифенбах выхватывает из-под бляшки ремня пистолет и наводит его открытым дулом на самого недовольного узника. Юнец испуганно пятится, но его это не заставляет сжалиться. Выстрел. Вальтер Р-38¹¹

---

¹¹ Вальтер Р-38 (нем. Walther P38) – немецкий самозарядный пистолет калибра 9 мм. Разработан фирмой «Карл Вальтер Ваффенфабрик» в г. Целла-Мелис в Тюрингии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.